

А.И. Герцен

**Движение общественной
мысли в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
Г41

Г41 **Герцен А.И.**
Движение общественной мысли в России / А.И. Герцен – М.: Книга по Требо-
ванию, 2021. – 183 с.

ISBN 978-5-458-54284-5

ISBN 978-5-458-54284-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ственной красоты должны сопротивляться двойному рабству: царю и помѣщику. Великороссъ и малороссъ имѣютъ умъ въ высшей степени воспріимчивый и обладаютъ живостью характера южанина, что очень странно для сѣвера. Крестьянинъ говоритъ хорошо и много: привычка находится всегда съ сосѣдями сдѣлала его сообщительнымъ...

... Пріѣхавъ на одну изъ послѣднихъ русскихъ станцій, мы стали дожидаться почтовыхъ лошадей въ маленькой комнаткѣ, натопленной какъ оранжерея; жена станціоннаго смотрителя, женщина грязная, плохо причесанная и крикливая, принудила насъ взять чаю. Уставши созерцать гравюру (очень интересную), которая украшала стѣну надъ кожанымъ диваномъ, я съ удовольствіемъ сталъ прислушиваться къ шуму передъ домомъ. Однако прежде чѣмъ покинуть гравюру, я долженъ описать ея сюжетъ, такъ какъ онъ чрезвычайно характеристиченъ. Очевидно, она принадлежала къ эпохѣ, слѣдующей за царствованіемъ Петра I. Это былъ онъ самъ, за столомъ, заставленнымъ блюдами и бутылками. Князь Меншиковъ, низко наклонившись, представлялъ ему и приносилъ въ подарокъ молодую особу — будущую императрицу Екатерину I. Надпись гласила: «Вѣрный подданный уступаетъ самое драгоценное горячо любимому царю».

Я раскаиваюсь еще и до сихъ поръ, что не купилъ этой гравюры.

Я вышелъ, чтобъ узнать, что возбуждало шумъ. Какой-то офицеръ прогуливался передъ группой ямщиковъ, ругая всѣхъ и крича во всю глотку.

Ямщики смотрѣли на него съ тѣмъ ироническимъ безстрастіемъ, которое свойственно русскимъ крестьянамъ. Позади офицера стоялъ станціонный смотритель, сильно пьяный; онъ также кричалъ, но въ то же время дѣлалъ глазами понятные крестьянамъ знаки.

— Гдѣ староста? — Гдѣ староста? — кричалъ въ бѣшенствѣ офицеръ.

— Гдѣ это староста?.. — повторяли съ апатичнымъ спокойствіемъ, способнымъ взбѣсить и святого, нѣкоторые изъ крестьянъ.

Но старосты все не было — трое пошли искать его. У кабака его не было, у крестной тоже.

— Гдѣ это можетъ быть староста, — удивительно!

Можно быть увѣреннымъ, что староста присутствовалъ здѣсь, что онъ былъ въ этой толпѣ.

— Разбойники, — кричалъ станціонный смотритель. — У! разбойники, вы не хотите искать старосту.

— А вы, — кричалъ въ отвѣтъ офицеръ, — какой вы станціонный смотритель? Вотъ какъ васъ слушаются. Вы хорошо поддерживаете свой авторитетъ! Я подамъ рапортъ, я напишу самому графу Адлербергу (директоръ почтоваго департамента), я знакомъ съ нимъ лично.

— Поощадите отца семейства, двадцать три года службы, медаль за взятіе Варны, двѣ раны, пуля навылеть, знакъ отличія за двадцатилѣтнюю непорочную службу, — машинально твердилъ станціонный смотритель, не выказывая большого испуга.

Такъ какъ дѣло не двигалось, офицеръ принялся за мальчугана, лѣтъ 16 или 17. — «Какъ, — говорилъ онъ, — ты мнѣ смѣешься въ глаза, ты мнѣ смѣешься

въ глаза! Я проучу тебя за неуваженіе къ эпопетамъ!» и онъ бросился на мальчугана. Этотъ послѣдній пустился бѣжать, увертываясь отъ удара кулака, которымъ угрожалъ ему офицеръ. Офицеръ хотѣлъ его преслѣдовать, но слѣгъ былъ такъ глубокъ, что онъ увязъ по колѣно. Крестьяне разразились смѣхомъ. «Но это бунтъ! Это бунтъ!» закричалъ офицеръ и повелительно приказалъ мальчугану, какъ бѣлка взлѣзавшему на вершину дерева, слѣзть съ него. «Нѣтъ, — отвѣтилъ тотъ, — я не слѣзу, — ты меня вздуюшь»... — «Слѣзай, дрянный негодяй, слѣзай», прибавилъ смотритель. Мальчикъ трясъ головой.

— Вотъ, ваше благородіе, — продолжалъ смотритель, говоря офицеру, — вы можете сами теперь судить, съ какимъ народомъ мы имѣемъ дѣло съ утра до вечера. Хуже турокъ! Когда это Богъ освободитъ меня отъ этого ада? Я остаюсь только потому, что мнѣ недостаетъ трехъ лѣтъ до пенсін. Но, ваше благородіе, будьте покойны, я ужъ справлюсь съ этими разбойниками, и они васъ повезутъ даже даромъ. Я сейчасъ пошлю за становымъ приставомъ, — онъ живетъ недалеко: восемь миль отъ сюда, даже семь съ половиной. Въ ожиданіи не угодно ли, ваше благородіе, покушать немного чаю?..

— Но, — сказалъ офицеръ съ тономъ отчаянія, — ужъ не съ ума ли вы сошли вдругъ? Вамъ хочется, чтобъ я терялъ время въ ожиданіи станового? Подайте мнѣ лошадей, подайте мнѣ лошадей...

Моя кибитка была готова. Не знаю, чѣмъ кончилась эта исторія, но можно быть увѣреннымъ, что офицеръ былъ обманутъ. Въ продолженіе всей

долгой дороги мой ямщикъ посмѣивался. Исторія съ офицеромъ бродила въ его головѣ. «Сердитый этотъ офицеръ», сказалъ я ему. «Ничего. Не въ первой. Съ самаго начала было видно, что онъ скоро утомонится».

... Достаточно двухъ часовъ ѣзды, и попадаешь совершенно въ другой міръ. Совершенно театральная перемѣна декорацій. Почва, переставая быть ровной, становится мѣстами даже гористой. Извивающаяся дорога не та ужъ прямая безконечная линія среди снѣжнаго океана, такъ хорошо описанная Мицкевичемъ.

Первый домикъ лифляндской почты лежалъ на пригоркѣ. Я вошелъ въ «Rossagier Stube». Тамъ царствовали такая чистота и порядокъ, точно только вчера ее выкрасили, а на завтра ожидали посѣщенія. Песокъ на полу, гераніумы и розмарины на окнахъ, въ углу піанино въ четыре съ половиной октавы и на покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью столѣ лютеранская Библія. Среди нѣсколькихъ литографій въ болѣе богатой рамкѣ выдѣлялся печатный листъ «an meinen lieben Fritz», что-то въ родѣ идилическаго завѣщанія, написанный своему сыну Фридрихомъ Вильгельмомъ III.

Станціонный смотритель, добродушный старичокъ, съ выраженіемъ той счастливой наивности, которая присуща только нѣмцамъ, надѣлъ для меня свой сѣрый фракъ, украшенный перламутровыми пуговицами. Видя, что я читаю завѣщаніе, онъ приблизился и почтительно завелъ разговоръ, на каждомъ шагу величая меня барономъ, freyherr'омъ и hochwolgebohren'омъ. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ никогда не могъ

читать безъ слезъ трогательныхъ словъ добраго покойнаго короля.

Такъ какъ смотритель утверждалъ, что вѣтеръ предвѣщаетъ очень бурную ночь и совѣтовалъ мнѣ переждать до утра, я, желая посмотрѣть, что происходило, вышелъ на улицу. Сильный и холодный сѣверный вѣтеръ свисталъ между вѣтвями обнаженныхъ деревьевъ, съ силой потрясая ихъ. Время отъ времени облака, гонимыя вѣтромъ, открывали молодой мѣсяцъ, и тогда можно было видѣть наполовину разрушенную башню — остатки развалинъ замка. Подъ разбитой дверью, которая нѣкогда вела къ замку, сидѣло десятокъ маленькихъ, хилыхъ со свѣтлыми волосами финновъ. Ихъ языкъ, для насъ совершенно чуждый, неприятно поражалъ мой слухъ. Надъ дверью было прибито чучело орла. Молодой человѣкъ, стройный блондинъ съ закрученными усами, съ ружьемъ за спиной появился и скрылся въ одно мгновенье. Онъ былъ въ маленькихъ саняхъ, которыми управлялъ самъ. Здѣсь уже не было хвастливой русской дуги, зато на всей упряжи звенѣли десятка два колокольчиковъ. Рядомъ съ санями бѣжала борзая собака.

Въ Лифляндіи и Курляндіи нѣтъ деревень, похожихъ на російскія. Это — фермы, разбросанныя вокругъ замка. Крестьянскія хижины расположены вдали другъ отъ друга. Здѣсь уже нѣтъ русской общины. Въ этихъ фермахъ живетъ бѣдный, добрый, но мало одаренный, очевидно, безъ будущаго, раздавленный вѣковымъ рабствомъ, народъ — остатки населенія, которое давно уже растворилось въ волнахъ другихъ расъ. Разница

между нѣмцами и финнами громадна. Германская цивилизація, надо признаться, дала имъ очень мало. Финны этихъ мѣстъ остались наполовину дикими даже послѣ столькихъ вѣковъ сосѣдства и постоянныхъ сношеній съ нѣмцами. Только императоръ Николай I подумалъ объ ихъ воспитаніи, — разумѣется на свой ладъ, — онъ сдѣлалъ изъ нихъ православныхъ грековъ.

Только въ Ригѣ, на этихъ темныхъ и узкихъ улицахъ, въ этомъ городѣ привилегій, цеховъ, Zünfte, духа ганзы и Лютера, гдѣ сама торговля неподвижна и отстала, гдѣ русское населеніе принадлежитъ къ ретрограднымъ раскольникамъ, выселившимся сюда два вѣка тому назадъ, находя режимъ царя Алексѣя слишкомъ революціоннымъ, а патріарха Никона слишкомъ смѣлымъ новаторомъ, только тамъ я понялъ всю разницу между міромъ, который я только что покинулъ, и міромъ, въ который я только что вступалъ.

Тощіе евреи, съ черной бархатной ермолкой на головѣ, на тонкихъ ногахъ, въ короткихъ панталонахъ, въ бумажныхъ чулкахъ и туфляхъ даже въ суровую балтійскую зиму; нѣмецкіе торговцы важные, какъ сенаторы, видъ которыхъ заставляетъ избѣгать встрѣчи съ ними... Въ казино и клубахъ только и говорятъ о привилегіяхъ, данныхъ городу въ 1600, о вольностяхъ, пожалованныхъ въ 1450, и о нововведеніяхъ, сдѣланныхъ въ 1701 годахъ...

Прибалтійскіе нѣмцы, сыны древней цивилизаціи, вотъ уже нѣсколько вѣковъ стоятъ вдали отъ всякаго великаго историческаго движенія; они приняли неизмѣнныя привычки и остано-

лись на томъ, чѣмъ они были, ничего не приобрѣта съ тѣхъ поръ; они установили порядокъ, правило, мѣру въ своихъ мысляхъ и дѣлахъ, чтобъ уже никогда больше отъ нихъ не уклоняться. Такимъ образомъ становится очевиднымъ, что они должны ненавидѣть съ тѣхъ поръ неопредѣленность, преувеличенія и безпорядокъ, которые царствуютъ не только въ нашихъ законахъ, но и въ обычаяхъ.

Мы совершенно еще не установились, мы еще ищемъ, мы стремимся къ соціальному порядку, болѣе соответствующему нашей натурѣ, и временно остаемся подъ властью произвола, ненавидя его и принимая, желая отдѣлаться отъ него и подчиняясь ему, скрѣпя сердце. Они, наоборотъ, они настоящіе консерваторы. Они многое потеряли и боятся потерять остальное. Мы же только можемъ выиграть, ибо намъ нечего терять. Мы повинемся по принужденію, и законы, которые нами правятъ, принимаемъ за запрещеніе или за оковы. Мы нарушаемъ эти законы, когда можемъ или смѣемъ. Въ этомъ отношеніи мы совершенно не строги. У нихъ, наоборотъ, каждый законъ — святыня, нарушить его было бы преступленіемъ въ своихъ собственныхъ глазахъ. Эта сторона жизни поддерживаетъ и другую, нелѣпость которой очевидна для всѣхъ.

У нихъ опредѣленная мораль, у насъ — моральный инстинктъ.

Ихъ преимущество надъ нами — это положительно выработанные правила. Они принадлежатъ къ великой европейской цивилизаціи. Наше преимущество надъ ними — это смѣлая сила съ до-

вольно широкими надеждами. Тамъ, гдѣ ихъ останавливаетъ собственное сознаніе, насъ задерживаетъ жандармъ. Арифметически слабы мы уступаемъ; ихъ же слабость — слабость алгебраическая, которая заключается въ самой формулѣ.

Мы ихъ глубоко отталкиваемъ нашей беззаботностью, нашимъ поведеніемъ, не вполне серьезнымъ отношеніемъ къ установленнымъ формамъ и распущенностью нашихъ полуварварскихъ и полуживотныхъ страстей. Они до смерти докучаютъ намъ своимъ буржуазнымъ педантизмомъ, ходульнымъ пуританствомъ и своей чопорной мелочностью.

Наконецъ у нихъ человѣкъ, расходующій болѣе половины своихъ доходовъ, считается мотомъ и расточителемъ. У насъ же человѣкъ, который тратитъ лишь свои доходы, слыветъ чудовищемъ скарденности...

Эта разниа между Россіей и Европой, какъ было упомянуто, почти что преувеличенная, лежитъ глубоко въ характерѣ народовъ Запада и въ характерѣ народовъ славянскаго міра.

Состоитъ она въ томъ, что въ славянскомъ мірѣ начало западной цивилизаціи существуетъ на поверхности, въ то время какъ въ основаніи европейскаго міра скрытъ глубоко варварскій элементъ. Въ то время какъ псковскіе крестьяне совершенно чужды всякой цивилизаціи, прибалтійскіе нѣмцы, какъ народъ, съ виду не варварскій и однородный, на самомъ дѣлѣ находятся на пути къ разложенію и совершенно разнородны.

Германо-романскіе народы создали двѣ исторіи, создали два міра во времени и два въ простран-

ствѣ. Они ихъ использовали два раза. Вполнѣ возможно, у нихъ хватило бы силъ создать третью метаморфозу, но завершиться при помощи существующихъ формъ она не могла бы, такъ какъ эти формы стоятъ въ вопіющемъ противорѣчii съ революціонной мыслью. Мы видѣли, что великимъ идеямъ европейской цивилизаціи для своего осуществленія надо было пересѣчь океанъ и искать почву, менѣе заваленную обломками.

Напротивъ, все прошлое славянскихъ народовъ носить характеръ начала, завоеванія власти, печать роста и способности. Они никогда не развивались сообразно природнымъ склонностямъ, генію и стремленіямъ. Каковы же эти стремленія? Мы увидимъ это впослѣдствіи. Я ограничусь лишь указаніемъ на то, что они не получили формулировки, но они существуютъ въ жизни народа, его пѣсняхъ и преданіяхъ, что они всегда существовали въ *Nabitus* всѣхъ славянскихъ народностей. Это скорѣе инстинктъ, чѣмъ прочно разрѣшенныя мысли, постоянное и твердое, но нестройное и запутанное національными и религіозными исканіями естественное влеченіе.

Исторія славянъ бѣдна.

За исключеніемъ Польши, славяне — скорѣе достояніе географіи, чѣмъ исторіи.

Былъ славянскій народъ, который существовалъ лишь въ теченіе одной борьбы — войны табаритовъ.

Существуетъ другой, едва начинающій намѣчать свои руководящія идеи. Онъ готовитъ себѣ мѣсто, пока связывая вынужденнымъ единствомъ шестую часть земного шара, гордо принявъ ее за свою арену...

... Имѣютъ ли какое-либо право на будущее эти народы, такъ мало замѣчательные въ своемъ прошломъ, такъ мало извѣстные въ своемъ настоящемъ?

Мы далеки отъ предположенія, что будущее принадлежитъ всѣмъ расамъ, которыя ничего не сдѣлали и лишь только много претерпѣли, но оно можетъ принадлежать тѣмъ изъ нихъ, которыя безъ титула, безъ приглашенія, смѣло занимаютъ свое мѣсто въ великомъ соборѣ дѣятельныхъ націй,—расамъ, которыя насильно вступаютъ въ исторію и вмѣшиваются во всѣ рѣшительныя дѣла; онѣ занимаютъ воображеніе всѣхъ и стремительно бросаются въ потокъ исторической аорты.

Въ появленіи нѣкоторыхъ народовъ есть что-то, что останавливаетъ мыслителя, заставляетъ его задуматься, дѣлаетъ его безпокойнымъ, какъ будто бы онъ чувствуетъ новый подземный источникъ, новую силу, глухое броженіе, ищущее выхода, какъ будто бы онъ слышитъ вдаль все болѣе и болѣе приближающіеся шаги гиганта.

Такова роль Россіи до Петра I.

Нѣтъ еще столѣтія, какъ Франція отвергала титулъ императора у царей. Теперь дѣло идетъ не о *титулѣ*, но о *фактѣ* владычества Россіи, которое она простираетъ до Рейна, спускаетъ до Босфора и отодвигаетъ съ другой стороны до Тихаго океана.

Какой же смыслъ этихъ безумныхъ требованій, этихъ жалкихъ уступокъ?

Не гунны ли это, которые появляются, чтобы покончить съ Римомъ и затѣмъ потеряться среди